

УДК / UDK 130.2

DOI 10.35231/18186653_2022_1_86

«Новая этика» в проблемном поле философии культуры

И. А. Тульпе

*Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Введение. Цель исследования – прояснение вопроса о наличии связи между теорией новой этики (или новой морали), как о ней рассуждали философы, теологи, психологи, социологи, культурологи, и мозаичным набором явлений современной жизни, все чаще обозначаемых словосочетанием «новая этика» (НЭ), в котором «этика» употребляется в общекультурном лексическом значении – синонимичном морали/нравственности.

Содержание. Прилагательное «новая» предполагает сопоставление с тем, что предстает в качестве «старого». Достаточно долго в европейской культуре старая этика в содружестве с христианством расценивалась как правильная, образцовая, хранящая семейные ценности. Начало процесса сомнения, выразившегося в повседневной практике, сделало «новую этику» этикой неправильного поступка, антиморалью. Новая этика рассматривалась и как основание суждений о поступках («ситуационная этика» Дж. Флетчера), и как необходимый результат не борьбы со злом внутри себя, а признания и учитывания наличия зла в личном бессознательном (Э. Нойманн, Д. С. Соммер). Очевидно, что на идеях «новой этики» и фокусируются из-за отставания старых максим от стремительно меняющейся реальности.

Выступая одним из проявлений нравственного кризиса, особенности которого обусловлены качественно меняющейся повседневностью и ее акторов, НЭ втягивает общество в публичное обсуждение назревших проблем. С практической точки зрения очевидно, что коммуникативные навыки, формируемые «старым» кодексом преимущественно запретительных моральных норм, недостаточны, поскольку конкретные кейсы объективно имеют различающиеся субъективные оценки.

Выводы. НЭ обозначает наличие реальных проблем там, где прежде общество и общественная мораль их не видели. Отсутствие универсального «хорошего» решения актуализирует ответственность личного выбора и коммуникативного поведения. НЭ не только делает более наглядным хорошо известное противоречие между «теорией и практикой» морали, но и «освежает» теоретическую тематику (в том числе, проблема добра и зла в качестве основополагающих этических понятий, природа нравственности/морали, основания и направление ее трансформаций и потребности в ней коллективного и индивидуального субъекта культуры).

Ключевые слова: этика, мораль, нравственность, новая этика, «новая этика», повседневность, информационное общество.

Для цитирования: Тульпе И. А. «Новая этика» в проблемном поле философии культуры / И. А. Тульпе // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2022. – № 1. – С. 86–100. DOI 10.35231/18186653_2022_1_86

“New Ethics” in the philosophy of culture problematic field

Irina A. Tul'pe

*Pushkin Leningrad State University,
Sankt-Peterburg, Russian Federation*

Introduction. The purpose of the study is to clarify the question of the connection between the theory of “new ethics” (or new morality), as it has been argued by philosophers, theologians, psychologists, sociologists, cultural scientists, and a mosaic set of phenomena of modern life, increasingly designated by the phrase “new ethics” (NE), in which “ethics” is used in a general cultural lexical meaning – synonymous with morality.

Content. The adjective “new” suggests a comparison with what appears to be “old”. For quite a long time in European culture, the old ethics, in common with Christianity, was regarded as correct, exemplary, preserving family values. The beginning of the process of doubt, expressed in everyday practice, made the NE as the ethics of wrong-doing, anti-morality. The NE was also considered as the basis for judgments about actions (Fletcher's “situational ethics”), as a necessary result not of fighting evil within oneself, but of recognizing and taking into account its presence in the personal unconscious (E. Neumann, D. S. Sommer). It is obvious, the ideas of the NE are being focused on because of the lagging of the old maxims from the rapidly changing reality.

Acting as one of the manifestations of the moral crisis, the features of which are due to the qualitatively changing everyday life and its actors, NE draws society into a public discussion of urgent problems. So, from a practical point of view, it is obvious that the communicative skills formed by the “old” code, of predominantly prohibitive moral norms, are insufficient, since specific cases objectively have different subjective assessments.

Conclusions. NE denotes the presence of real problems where society and public morality have not seen them before. The absence of a universal “good” solution actualizes the responsibility of personal choice and communicative behavior. The NE not only makes the well-known contradiction between the “theory and practice” of morality more visible, but also “refreshes” the theoretical topics (including the problem of good and evil as fundamental ethical concepts, the nature of morality, the grounds and direction of its transformations and the needs for it of collective and individual cultural subject).

Key words: ethics, morality, new ethics, “new ethics”, everyday life, information society.

For citation: Tul'pe, I. A. (2022). “Novaya etika” v problemnom pole filosofii kul'tury [“New Ethics” in the philosophy of culture problematic field]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina – Pushkin Leningrad State University Journal*. No. 1. pp. 86–100. (in Russian). DOI 10.35231/18186653_2022_1_86

Введение

Новая этика – ее необходимость или закономерность – проблема, обсуждаемая в постклассической моральной философии. В XX веке она часто рассматривалась в связи с христианской этикой – как псевдомораль, утратившая связь со своими религиозными корнями. Особое внимание здесь обращается на традиционные семейные ценности и вопросы половой морали (эта проблематика будет обсуждаться и во второй половине XX века в связи с сексуальной революцией).

Внимание к моральной проблематике увеличивается в эпохи перемен. Наступившая информационная цивилизация «имеет свое специфическое мировоззрение, свои способы контакта со временем, пространством, логикой и причинно-следственными связями, а также собственные принципы управления будущим», цивилизация «третьей волны» характеризуется не только скоростью, но и качеством перемен, что «готовит новый кодекс поведения» [11, с. 254]. Некоторые из перемен, происходящих в обществе, отмечены словосочетанием «новая этика» (НЭ), постепенно становящимся термином и требующим осмысления в контексте теоретической проблематики.

Многие авторы теоретических работ по моральной проблематике отмечали необходимость новых подходов. Новой этикой как этическим следствием теории эволюции называл свои идеи американский зоолог, философ Г. Мур (Howard Moore), распространявший «золотое правило нравственности» на всех живых существ¹. Традиционной формалистичной морали, кодексы которой веками основывались на авторитете, Дюрант Дрейк (Durant Drake) противопоставляет новую мораль – основанную на научном наблюдении за результатами поведения, осознанно стремящуюся к достижению счастья для человечества². Создатель теории ситуативной этики Джозеф Флетчер считал, что новая мораль как метод основана на классической традиции западной христианской морали; это «старая позиция с новым и современным видом», но при этом «новая мораль, то есть ситуационная этика, представляет собой радикальный отход от общепринятого мнения» [13, с. 12–13]. Здесь властвует не только буква, но и дух закона. «Новая мораль, ситуационная этика, провозглашает, что все и вся является правильным или неправильным, в зависимости от ситуации» [13, с. 124]. Ситуационизм Флетчера может оцениваться как доверие с высокой степенью моральной ответственности или, напротив, как «теоретическое» оправдание моральной безответственности.

Трагедия Второй мировой войны актуализировала осмысление традиционной проблемы добра и зла. Вскоре после ее окончания в своей книге «Глубинная психология и новая этика» (1949) известный психолог и философ Э. Нойманн писал, что обращение к старым ценностям и идеалам «не способно спасти нас от

---

¹ Moore, John Howard. The New Ethics / John Howard Moore. Revised edition. Chicago, Illinois: S. A. Bloch. 1909. 240 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/newethics00moorgoog> (дата обращения: 18.06.21).

² Drake, Durant. The new morality – New York: The Macmillan company, 1929. 359 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://moralparadigm.com/free-book-the-new-morality/> (дата обращения: 18.06.21).

сознания, что мы живем в мире, в котором зло, заключенное в недрах души человеческой, проявляется в гигантских масштабах и ставит перед всеми нами проблему методов борьбы с ним» [7, с. 23]. Старая этика (в ее иудео-христианском варианте) с ее методами подавления и вытеснения, входящими в состав механизмов защиты сознательной психики от бессознательного, сыграла важную вспомогательную роль в развитии сознания человека [7, с. 64]. Новая этика призвана осознать не только позитивные, но и негативные силы в человеческом организме, установить взаимосвязь между ними и жизнью индивида и общества [7, с. 96]. Самые трудные требования, предъявляемые к индивиду новой этикой – независимость от коллективных ценностей в вопросах добра и зла, отказ от моральной определенности в этих вопросах, которую (с одобрения коллектива) гарантирует старая этика, личностная оценка ценностей, примирение с неопределенностью внутреннего опыта [7, с. 111, 113].

Вероятно, необходимость в обновлении этической проблематики вызвали не сами по себе успехи в исследованиях бессознательного, но – трансформация отношения части общества к традиционным религиозно-этическим ценностям. Из чего следуют – обновление инструментов для укрепления позиций традиции и, с другой стороны, не столько переоценка и пересмотр самих этих ценностей, обновление их «списка», сколько – новый взгляд на нравственную проблематику. В этом смысле по-своему обоснованная концепция Нойманна выводит проблематику из традиционной парадигмы борьбы добра со злом, в которой человек должен выступать на стороне добра, в другое – «интимное пространство» индивидуального выбора, в котором деонтизм неэффективен.

Упомянем психологический подход «физики морали» чилийского философа Дарио Саласа Соммэра, писавшего о зле, загнанном в подсознание репрессивным характером традиционной морали. Поскольку источник зла так или иначе находится в человеке, то предлагается более эффективный путь борьбы с ним: отказавшись от жесткости оценок зла, не подавлять свои инстинкты, а признать их, удерживая их в сознательном «я», работая с ними; взаимодействуя с Природой, очистить и воспитать свою низшую природу, превращаясь в людей «без вины и греха» [10, с. 13–14].

Современная этическая мысль все более тяготеет не столько к поиску и утверждению моральной метафизики, к возможному и должному для «человека вообще», сколько к осмыслению нравственной составляющей в повседневной жизни современного человека. Словом «этика», как отмечает А. Бадью, обозначается принцип отношения к «тому, что происходит» – этика прав человека, биоэтика, этика коммуникации и т. д. В своей книге «Этика. Очерк о сознании Зла»

он ставит целью изучить действительную природу этики и, не связывая ее с абстрактными категориями, соотнести с конкретными ситуациями, не усматривать в этике лишь охранительную благонамеренность, а связать с судьбой ряда истин. Этика истин своей верностью истинам пытается предотвратить Зло, в котором признает изнанку или теневую грань этих истин [1, с. 15–16, 124].

О проблеме зла как центральной для современного человека размышляет известный французский философ и публицист Андре Глюксманн, давший в 1991 г. интервью журналу «Вопросы философии». Он показал необходимость новой этики в масштабах деструктивных возможностей современной техники: вера в «чистоту» техники, сущностью которой виделась конструктивная мощь производительных сил, оказалась иллюзией [6, с. 84]. Техника, меняющая наши привычные установки, требует не столько возврата к традиционной морали, сколько необходимость изобретения «новой этики, которая способна дать новый конкретный ответ на нестандартные вызовы, порожденные изменившейся ситуацией» [6, с. 85]. Зло выступает явственнее и непреложнее добра, представление о том, чего человек не должен делать, яснее представления о позитивном идеале. Зло обнаруживает себя как более «универсальная и вездесущая сила», оно соединяет людей сильнее, чем добро. Осознание этой ситуации рождает совместные усилия «задетых», «уязвленных» злом людей. Глюксманн говорит о сложении культуры, способствующей формированию «солидарности задетых», «единения потрясенных», подчеркивая, что основу этой культуры «составляет способность видеть в самом себе возможный источник насилия, нетерпимости и жестокости» [6, с. 88].

В целом можно отметить, что вопрос о новой этике обсуждается в связи с тем, что в условиях стремительно и неоднозначно меняющейся реальности принципы «старой этики» перестают быть эффективным руководством для жизни. Новая этика (моральность) здесь – новый путь обоснования действенности личного выбора.

Разнообразные феномены современной жизни, обозначаемые как «новая этика», широко обсуждаются, главным образом, в сети¹. Получая оценки из сравнения с традиционной, «старой этикой», они дают важный эмпирический материал для теоретических размышлений.

---

¹ См.: «Новая этика» [Электронный ресурс]. URL: https://daily.afisha.ru/series/768-novaya-etika/?utm_referrer=https://syg.ma] (дата обращения: 18.06.20); «Новая этика. Добро и зло в эпоху цифровой революции» [Электронный ресурс]. URL: <https://etika.nplus1.ru> (дата обращения: 24.06.20).

Содержание исследования

Цифровая революция, внедрение новых технологий, которые ведут к трансформациям в структуре социальной организации, являются не только стимулами, но и факторами дестабилизации и изменений в области духовного производства в его разных формах, включая мораль и религию [9]. Американский социолог Им. Валлерстайн констатирует, что современная миросистема как историческая система вступила в стадию завершающегося кризиса, результаты которого не могут быть определены заранее, и эта неопределенность, по его мнению, прекрасна, поскольку в противном случае не существовало бы нравственного побуждения предпринимать что бы то ни было. «Мы были бы вольны потакать любым страстям и пестовать свой эгоизм, поскольку все действия укладывались бы в рамки предписанной определенности», что означает «моральную смерть» [3, с. 8, 9].

Мир переходит от системы, основанной на производстве материальных благ, к системе, ориентированной на информацию. По мнению Э. Гидденса, вместо постсовременности мы вступаем в период «большой, чем когда-либо, радикализации последствий современности». Сегодня складываются формы жизни, отличающиеся от традиционных типов социального порядка. Происходит установление неизвестных прежде форм социальной связи, охватывающей весь мир (количественное отношение) и изменение наиболее интимных и личных характеристик повседневного существования (качественное отношение) [4, с. 113].

Микротренды, меняющие современный мир, достаточно подробно обозначает М. Пенн, обращая внимание на воздействия высоких технологий, входящих в повседневную жизнь, способных отслеживать привычки и предпочтения, изменения всех параметров от рождения до смерти. ДНК-тестирование, к которому прибегают все чаще, прибавит к медицинским и поведенческим данным – генетические, уничтожая представления о неприкосновенности частной жизни [8, с. 19]. По мере того, как большие данные будут загружаться в искусственный интеллект, машины смогут все серьезнее влиять на наш опыт и ощущения. В принципе нельзя исключать возможность того, что непрерывно самообучающийся искусственный интеллект сможет создавать людей, программируемых не только на удобное индивидуализированное потребление, но и на морально-поведенческие практики. Что снимет с повестки проблемы нравственного выбора и нравственной ответственности. Плюс к этому – происходит неуклонное расширение сфер деятельности, уменьшающее значение «человеческого фактора». Возникает интересный вопрос – от чего, например, зависит стратегия поведения в критической ситуации автопилота, ведущего автомобиль или грузовик? «Что

вложить в машину – идеи деонтологов или идеи консеквенциалистов? И кто должен принимать это решение – инженеры, правительство или покупатели», – задается вопросом Д. Эдмондс¹, автор известного исследования «про вагонетку» (в котором представлен ряд сложных мысленных экспериментов, проверяющих наши интуитивные моральные представления, и помогающих нам, по мысли автора, в выработке моральных принципов и исключении нерелевантных соображений, «способных запутать наши рассуждения в реальных случаях» [12, с. 10]).

Новые технологии постиндустриальной эпохи существенно влияют на образ жизни и ее стиль у людей разных возрастов. Высокотехнологичная жизнь требует повышения образовательного уровня, удлинения периода подготовки к «самостоятельной жизни», который не ограничивается паспортным совершеннолетием и чреват «детским» инфантилизмом взрослого человека. С другой стороны, многие представители нынешнего поколения родившихся «со смартфоном в руках» практически с детства, задолго до окончания университетов, могут начать зарабатывать «блогерством» суммы, обеспечивающие благополучие всей семьи. Уровень качественного образования для «моего первого миллиона» перестает иметь значение. Поколения, родившиеся в новом веке, оказываются гораздо больше оторванными от опыта старших, обычно считавшихся хранителями и трансляторами традиционных ценностей.

Что касается морального состояния общества, то оно, – как и в доцифровую (индустриальную) эпоху – находится в «глубоком кризисе». И «новая этика» (НЭ) выступает как одно из проявлений этого кризиса. «Новой этикой» с опасливой иронией называют запрет на шутки с сексуальным, расовым или религиозным подтекстом. Но само появление такого рода этических запретов, на которые вынуждено реагировать государство, маркирует появление проблемы там, где прежде общество и общественная мораль ее не видели.

Здесь можно размышлять о мере связанности морали с социальными трансформациями, вызванными качественными технологическими изменениями (вероятно, различая сохраняющуюся актуальность моральных установлений и «веками проверенных» традиций поведения, и – личную ответственность соотнесения мотивов и поведения, моральных норм и меры/направления следования им). Но в чем выражается нравственное совершенствование коллективного субъекта культуры? Как можно измерить нравственность личности – количеством

---

¹ Эдмондс Д. Машина может стать сильнее человека в этических вопросах. [Электронный ресурс]. URL: <https://meduza.io/feature/2016/05/16/mashina-mozhet-stat-silnee-cheloveka-v-eticheskikh-voprosah> (дата обращения: 27.11.2021).

добродетелей (набрать как можно больше из «списка»; или повыбирать подходящие/выполнимые – и выполнять) или качеством (если существует иерархия добродетелей), или – последовательностью и/или частотностью исполнения?

Проблему эволюции нравственности исследует Е. В. Беляева. Она использует термин «историческая система нравственности» (единство способа регуляции и системы ценностей), а историческую динамику двух таких систем – традиционную и модерную – рассматривает как процесс развития нравственности [2, с. 39]. Если в традиционной системе индивидуальный субъект обособляется на базе коллективного субъекта, то современная характеризуется тем, что здесь коллективный субъект образуется автономными личностями [2, с. 445].

Ядро коллективного субъекта современной культуры образуют автономные личности (Я-индивид) – и в этом плане мораль как феномен культуры не может эффективно реализовываться традиционными методами внедрения нравственных «нормативов». Нормативы «старой этики» касаются в основном ограничений с целью непричинения таких «вредных воздействий», как убийство, воровство, прелюбодеяние.

Старая этика, во-первых, – это регулятор, предписывающий и принуждающий посредством общественного мнения, т. е. ориентацию индивида на внешнюю оценку и/или реакцию, и, во-вторых – это минимум требований, выполнение которых связано не столько с самореализацией личности, сколько направлено на самосохранение социума. Соблюдение традиционных норм, ограничивающихся непричинением ущерба, поддерживается юридически [5]. Возможно, что усиление внешнего гражданско-правового регулирования, которое с точки зрения реализации эффективнее и нагляднее регулирования морального, которому нельзя доверить безопасность государства и общества, приводит к ослаблению традиционной моральности и внутреннего морального регулятора.

Согласно «старой» этике, суть морали составляет соотношение добра и зла, отношение ко злу, как оппоненту и противнику добра (которое рано или поздно победит зло). В этом смысле, гендерная, расовая, эйджистская и прочие «ущербности» человека, включая состояние здоровья, относятся, скорее, к области зла, возможно, усиливая представления о наличии в человеке «злого начала».

Новая этика, в том ее содержании, которое чаще обсуждается в обществе (насилие, гендер и пр.), обозначает, показывает в качестве аномальных – ряд составляющих повседневность феноменов, которые привычно считались и до сих пор считаются социально приемлемыми (типа харассмента, реального неравенства правящих женщин и пр.). Напротив, выбивающееся из привычных норм благополучия (инвалиды, ЛГБТ и др.) – утверждается как нормальное.

Таким образом, НЭ, как представляется, демонстрирует движение в сторону переворачивания традиционного понимания добра и зла – то, что воспринималось как проявление зла, злом не является; злом является следование традиционным установкам. Но также, что важнее, НЭ обновляет тематическое поле этики (как теории) – подчеркивая неоднозначность содержания базовых этических понятий Добро и Зло в практике жизни; ослабляя тему борьбы добра и зла как основное содержание морального выбора.

Одно из проявлений внутренней противоречивости НЭ видится в следующем. С одной стороны, она опирается на универсалистское представление о морали (на котором покоится «золотое правило»): если нет онтологической разницы между *мною* и *другим*, если индивидуальные различия есть видимость, то страдание другого это мое страдание (основа со-страдания), забота (сочувствие) о ближнем есть забота (сочувствие) о себе. Ты – это Я / Я – это Ты (см. слоганы типа #МЕТОО). НЭ втягивает общество в публичное обсуждение проблем жизни меньшинств¹. Можно сказать, что НЭ фиксирует расхождение между философскими рассуждениями о морали и ее ценностях и общественной моралью (дающей ориентиры индивидуальной нравственности и регулирующей ее).

Но, с другой стороны, введение теоретической конструкции в современную жизненную реальность с ее огромным «переселением народов» (миграция) выявляет противоречия этической теории и моральной практики. Идея глобализационного («онтологического») единства обостряет поиск культурной идентичности (со всем, что в нее включалось, прежде всего – с национальным и конфессиональным компонентами).

Противоречие оказывается таким сильным, что идеалом предстает просто толерантное отношение к Другому (как к чужому и чуждому). Здесь не работают ни универсалистское представление о морали, ни прагматическая мораль.

Один из файлов НЭ – «новая чувствительность», проявляющаяся как в обидчивой реакции субъекта НЭ на внешнее неприятие «естественного» себя, так и в «оскорблении чувств» представителей разных групп акторов, готовых прилюдно защищать нарушаемые традиционные (государствообразующие) религиозные и нравственные ценности (как «духовные скрепы» государства). Через предписа-

---

¹ Слово «меньшинства» можно использовать в двух смыслах: во-первых, в буквальном, то есть, количественном, поскольку ни ЛГБТ-сообщества, ни «люди с ограниченными возможностями», ни «понаехавшие», ни миноритарные религиозные сообщества не составляют большинства; во-вторых, в иерархическом смысле, как «более низкие»: здесь тематика прав женщин, расового равенства, права животных.

ния «новой чувствительности» вводятся различные запреты, за нарушение которых предполагаются санкции («культура отмены», например). Не обсуждая внеправовые аспекты правового регулирования кейсов с «религиозными чувствами верующих», можно предположить, что объективными основаниями «оскорбленности» являются противоречия религиозного и секулярного дискурсов, существующие на разных уровнях социальной жизни. Вероятно, ни один из них не является универсальным, однако превалирование любого из них в реализуемых концепциях государственного устройства является основанием конфликта доминирующей коммуникативной системы, с ее сложившимися ценностными ориентирами, и других коммуникативных систем (подчиненных, периферийных, маргинальных, устаревших, допустимых), обладающих значимыми для них системами ценностей.

Введение в публичное анонимное пространство сети табуированной (стигматизированной) тематики само по себе видится нарушением общественного морального договора. При этом достаточно остро возникает проблема неумения адекватно, приемлемо для адресата сформулировать эмоциональное восприятие/сопереживание драматической жизненной ситуации (перинатальные потери, например), искренний порыв морально поддержать «френда» нередко усиливает морально-психологическую травму. Частые примеры из жизни в офлайне: молодые мамы с грудным младенцем в музейных залах. С одной стороны, это пример выведения «на́ люди» того, что по «старым» правилам до определенного срока было не принято выводить из частного пространства. Кроме того, что плачущий младенец мешает и маме, и другим посетителям, но она настаивает на своем праве покормить грудью в любом приглянувшемся ей месте, тем самым пытаясь достаточно демонстративно обратить публичное пространство – в детскую. В результате, повод для обид – у обеих сторон неизбежного конфликта.

«Новая чувствительность», возможно, это одно из проявлений потребности публичной демонстрацией «оскорбленности» компенсировать свою незаметность в мире агрессивного выставления успешности. Как в частных взаимоотношениях происходят непреднамеренные «оскорбления», нанесения морального ущерба – свидетельства диссонанса в коммуникациях (не найден или не существует «общий язык»), так и на более общем уровне подобный диссонанс возможен в отношениях, скажем, художественного сообщества и потенциального (или реального) потребителя созданного им продукта.

В переменах, происходящих в повседневном поведении, можно рассмотреть «испытание на прочность» культурно-бессознательного паттерна поведения, предполагающего прямо пропорциональную связь значимости индивида и его

включенности в социальное целое, растворенности в интересах и правилах этого целого. Мир личного, который доверялся дневникам (даже если прочтение кем-то другим не отрицалось) начинает утрированно выноситься напоказ. Исповедальность сменяется самовыставлением.

Здесь, с одной стороны, индивид наконец-то смог заявить о своем существовании, явить себя миру (какой есть или «подретушированный»), в чем можно усмотреть индивидуализацию, требующую выработки новых правил. С другой же стороны, видна неизжитая зависимость от внешних оценок – в Сети «Я» демонстрирует себя в рутинных или экстремальных событиях, собирая как можно большее число лайков. Для этого индивид «маркетингово» подстраивается под спрос подписчиков. Некоторым образом – это вид распродажи или выгодной продажи себя.

Новое в этом контексте только цифровая среда и технологические возможности безграничной реализации проекта «это – Я». В этой зависимости – не только недостаточная зрелость самости, но и повод обозначить «подростковый» характер «новой моральности», определение себя через отрицание «старшего взрослого», навязывающего традиционные нормы (будет ли этим «взрослым» государство или религиозный институт). Это одно из проявлений «новой искренности». Так или иначе, но можно заметить, что новоэтическая повестка – при всей разномасштабности ее кейсов – на стороне индивида и его прав.

Цифровая революция как высветила скрытые морально-общественные проблемы, так и породила новые, связанные преимущественно с научными достижениями. К примеру, климатическая проблема: катастрофические последствия эксплуатации природы оборачиваются «злом», хотя все делалось на благо человека. В «старой» этике такая многозначность актов и их результатов, как правило, отсутствовала. Природа рассматривалась как источник жизнеобеспечения. Требования перехода от призыва «природа на службе человечества» к признанию, что «человечество должно отдавать природе долги», используя технологии, которые бы наносили минимальный вред (не ради природы как таковой, а ради превращения ее «служения» человеку во взаимовыгодное сотрудничество), – попадают в ново-этическую повестку. Природа превращается в культурного партнера, в объект морального отношения (например, отдельный сбор мусора или новое потребительское поведение, так называемое разумное потребление, доступны любому субъекту морали). Другая сторона экологической проблемы – природосбережение и/или человекосбережение, поскольку сохранение климата

для будущего входит в противоречие с ближайшей судьбой остающихся без работы и средств к существованию тех, кто занят в добывающих отраслях. Поиск ответа находится за пределами морального выбора, что не отменяет моральной рефлексии.

Субъект и объект культуры – человек, который стремительно меняется в современности. Только философы договорились, что человек – биосоциальное существо, как стала актуализироваться биотехнологическая составляющая. К виртуальной реальности современного мира можно добавить не только искусственный интеллект, но и сконструированного биотехнологиями человека, в чем можно усмотреть угрозу преобразования субъекта культуры в биотехнологический «проект». Проблемы биоэтики, нейроэтики, медицинских и генетических исследований получают моральное измерение.

Традиционная этика достаточно часто – осторожно или негативно оценивая проекты и результаты, – в постановке гуманитарных проблем апеллирует к креационизму. Независимо от того, насколько близка ученым идея о том, что природа и человек сотворены божественным Дизайнером («венец творения» – по его образу и подобию), получается, что люди сотворяют (творят и проектируют) людей. В креационистской логике видна аксиологическая развилка в оценках – между кощунственным покушением на прерогативу Творца и стремлением человека к своему Творцу, с настойчивостью сотворенного перфекциониста, улучшающего не только «духовность», но и «телесность» (совершенствование своего биологического фундамента).

«Ремонт» и усовершенствование телесности – это благо для наличного состояния здоровья и психического самочувствия человека, живущего здесь и сейчас. Но при желании особое внимание к личной телесности (тренд на «вечную молодость») можно расценивать как падение, как низложение главной отличительной характеристики человека – «духовности». Мечта о бессмертии привычно рассматривается как триггер религии, однако идея бесконечного долголетия и бессмертия (без особого обсуждения бессмертия души) ищет реализации не традиционно в «памяти потомков», не в «продолжении рода», а в медикаментозно-технологическом «преображении» телесности. Интересно, что эта мечта волнует умы сама по себе – жить вечно не для вечного принесения пользы, а как увлекательная перспектива, как научный проект достижения цели (которая в религиозном контексте имеет в виду личные моральные, главным образом, усилия). Можно ли предполагать (или уповать), что именно наука, положительно решив вопрос о бессмертии, упразднит веками манящую религиозную идею, а вместе с этим – и мораль как важное средство на пути ее реализации?

Выводы

Изменения условий жизни человека в цифровую эпоху ускорились из-за (благодаря?) ковидной пандемии. Оказалось, что человек может жить, не выходя из дома и/или виртуального пространства, имея многотысячное онлайн-общение и офлайн-семью; он может жить в счастливом одиночестве, выстраивая свой неповторимый электронный виртуальный мир. И нуждается ли он в общественных моральных установлениях, нужны ли они вообще? «Не убий» легко и безрефлексивно нарушается в компьютерных играх, можно сказать, что в виртуальном мире этой заповеди просто не существует. Кто доказал, что человек развитого информационного общества будет нравственнее обитателя общества индустриального? Вершина «пирамиды Маслоу» сохраняется, но самореализация может осуществляться без особых духовных усилий, без особой потребности самосовершенствования.

Вызывающая противоречивые оценки, НЭ отражает движение к пересмотру и коррекции основ моральных установлений (имеющих влияние на бытовую повседневную нравственность – в поступках и в оценках). Индивидуальное мнение/отношение к устоявшимся правилам-максимам, вероятно, существовало и до НЭ, но она вносит (всовывает) вопросы в общественную повестку, громко требуя их разрешения, не дожидаясь, когда бóльшая часть социума на индивидуальном и общественном уровне примет идеи равенства, недопустимости насилия и прочее.

Список литературы

1. Бадью А. Этика: Очерк о сознании зла / Ален Бадью; пер. с франц. В. Е. Лапицкого. – СПб.: Machina, 2006. – 126 с.
2. Беляева Е. В. Метаморфозы нравственности: динамика исторических систем нравственности. – Минск: Экономпресс, 2007. – 464 с.
3. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / И. Валлерстайн; пер. с англ. под ред. В. И. Иноземцева. – М.: Логос, 2004. – 368 с.
4. Гидденс Э. Последствия современности / Э. Гидденс; пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчич; вступ. статья Т. А. Дмитриева. – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 352 с.
5. Давитадзе М. Д. Уголовное право на защите нравственных ценностей общества // Нравственность для XXI века / под ред. Ю. М. Антоняна. – М.: Аспект Пресс, 2008. – С. 82–94.
6. Новая этика: солидарность «потрясенных» (интервью с А. Глюксманном) // Вопросы философии – 1991 – № 3 – С. 84–90.
7. Нойманн Э. Глубинная психология и новая этика. Человек мистический / Эрих Нойманн; пер. с англ. Ю. М. Донец; науч. ред. и послесл. В. В. Зеленский. – СПб.: Академический проект, 1999. – 206 с.

8. Пенн М. Микротренды, меняющие мир прямо сейчас / Марк Пени, Мередит Файнман; пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 430 с.
9. Смирнов М. Ю. Цифровизация как «обнуление» религий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2019. – № 3. – С. 137–145.
10. Соммер Салас Д. Мораль XXI века / Дарио Салас Соммер; пер. с исп. – М.: Кодекс, 2013. – 480 с.
11. Тоффлер, Элвин и Хейди. Создание новой цивилизации / Элвин и Хейди Тоффлер; пер. с англ. // Апокалипсис смысла. Сборник работ западных философов XX–XXI вв. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 253–269.
12. Эдмондс Д. Убили бы вы толстяка? Задача о вагонетке: что такое хорошо и что такое плохо? / Д. Эдмондс; пер. с англ. Д. Кралечкина. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. – 256 с.
13. Fletcher, Joseph F. Situation Ethics: The New Morality. – Louisville; London: Westminster John Knox Press. 1997. – 176 p.

References

1. Bad'yu, A. (2006). *Etika: Oчерk o soznanii zla* [Ethics: An essay on the consciousness of evil]. Sankt-Peterburg: Machina. 126 p. (In Russian).
2. Belyaeva, E. V. (2007). *Metamorfozy npravstvennosti: dinamika istoricheskikh sistem npravstvennosti* [Metamorphoses of morality: dynamics of historical systems of morality]. Minsk: Ekonompress. 464 p. (In Russian).
3. Vallerstajn, Im. (2004). *Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka* [The End of a Familiar World: Sociology of the XXI century]. – Moskva.: Logos. 368 p. (In Russian).
4. Giddens, E. (2011). *Posledstviya sovremennosti* [Consequences of Modernity]. Moskva.: Izdatel'skaya i konsaltingovaya gruppa "Praksis". 352 p. (In Russian).
5. Davitadze, M. D. (2008). Uголовное право na zashchite npravstvennykh tsennostej obshchestve [Criminal law on the protection of moral values of society]. *Npravstvennost' dlya XXI veka* [Morality for the 21st century] ed. Yu. M. Antonyan. Moskva.: Aspekt Press. pp. 82–94. (In Russian)
6. Novaya etika: solidarnost' "potryasennykh" (interv'yu s A. Glyuksmannom) (1991) [New ethics: solidarity of "shocked" (interview with A. Glucksmann)] *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy] No. 3. pp. 84–90. (In Russian).
7. Nojmann, E. (1999). *Glubinnaya psikhologiya i novaya etika. Chelovek misticheskij* [Deep psychology and new ethics. The mystical Man]. Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt. 206 p. (In Russian).
8. Penn, M. (2019). *Mikrotrendy, menyayushchie mir pryamo sejchas* [Microtrends changing the world right now]. Moskva: Al'pina Pablisher. 430 s.
9. Smirnov, M. Yu. (2019). Tsifrovizatsiya kak "obnulenie" religij [Digitalization as the religions "zeroing out"] *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal]. No. 3. pp. 137–145.
10. Sommer, Salas D. (2013). *Moral' XXI veka* [Morality of the XXI century]. Moskva: Kodeks. 480 s. (In Russian).
11. Toffler, Elvin i Hejdi. (2007). Sozdanie novej tsivilizatsii [The Creation of a new civilization] *Apokalipsis smysla. Sbornik rabot zapadnykh filosofov XX–XXI vv.* [The Apocalypse of meaning. Collection of works of Western philosophers of the 19-21 centuries]. Moskva: Algoritm. pp. 253–269. (In Russian).

12. Edmonds, D. (2016). *Ubili by vy tolstyaka? Zadacha o vagonetke: chto takoe horosho i chto takoe ploho?* [Would you kill a fat man? The trolley problem: what is good and what is bad?]. Moskva: Izd-vo Instituta Gajdara. 256 p. (In Russian).

13. Fletcher, Joseph F. (1997). *Situation Ethics: The New Morality*. Louisville; London: Westminster John Knox Press. 176 p.

Об авторе

Тульпе Ирина Александровна, доктор философский наук, доцент, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID ID: 0000-0001-7010-6175, e-mail: tulpei@yandex.ru

About the author

Irina A. Tul'pe, Dr. Sci (Philos.), associated professor, Pushkin Leningrad State University, Sankt-Peterburg, Russian Federation, ORCID ID: 0000-0001-7010-6175, e-mail: tulpei@yandex.ru

Поступила в редакцию: 10.01.2022

Received: 10 January 2022

Принята к публикации: 07.02.2022

Accepted: 07 February 2022

Опубликована: 10.03.2022

Published: 10 March 2022